

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д17

Caroline Dunford
DEATH IN THE ASYLUM

Copyright (c) Caroline Dunford 2013
Published by arrangement through Rights People, London
and The Van Lear Agency

Редактор серии *Ю. Милоградова*
Оформление серии *Е. Елькиной*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Данфорд, Кэролайн.
Д17 Смерть в сумасшедшем доме : [роман] /
Кэролайн Данфорд ; [перевод с английского
О. Павловской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-111521-0

Эфимия Мартинс всегда была слишком умна для простой служанки. И тем более ей хватает здравого смысла не верить в спиритизм. В отличие от семейства Стэплфордов! Однако очередной сеанс привел не только к скандалу, но и к страшному кровавому нападению! Теперь Эфимии предстоит не только разоблечь несколько семейных тайн, но и раскрыть пару убийств, а также получить целых два предложения руки и сердца!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111521-0

© Павловская О., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ
В «БЕЛЫХ САДАХ»

Мадам Аркана запрокинула голову, обратив взор к потолку, при этом ее огромный пурпурный тюрбан опасно накренился.

— Там есть кто-нибудь? — спросила она у штукатушки театральным шепотом.

Вопреки строгому указанию не сводить глаз с хрустального бокала в центре стола, я тоже посмотрела вверх. Впрочем, недавно приобретенный опыт подсказывал мне, что потолкам доверять не следует ни при каких обстоятельствах...

* * *

«Белые сады» — дом небольшой. Если Стэпффорд-Холл показался бы моей матушке весьма скромным по сравнению с тем, что она привыкла считать «поистине великими домами», то новое жилище мистера Бертрама, по ее мнению, скорее сгодилось бы для оранжерейных

растений и прочей флоры, нежели для респектабельных господ. Матушка была бы разочарована, хотя сама она со дня свадьбы с моим отцом, преподающим Иосией Мартинсом, жила в простом сельском домике викария, а после его смерти переехала в коттедж, который мог бы целиком уместиться в бальном зале Стэплфорд-Холла, и там еще осталось бы место для вальсирующих пар, чтобы описать круг почета. Но воспоминания о детстве и юности во дворце ее достославного родителя — герцога, чье имя я не стану называть, — по-прежнему не давали матушке покоя. Я своего деда никогда не видела, а теперь, когда мне приходится самой зарабатывать на жизнь, едва ли ему выпадет честь познакомиться с внучкой.

До прошлой недели и прискорбного случая, связанного с потолком, я была экономкой в «Белых садах». К этой должности меня привела череда неожиданных событий, следовавших одно за другим на протяжении прошлых четырнадцати месяцев. Я нанялась в услужение в январе 1910 года, чтобы помогать матушке и моему братику, малышу Джо, — мы ведь остались без средств к существованию, когда отец нас покинул. Судьба, подобно штормовому морю, забросила меня тогда к воротам поместья Стэплфордов. И в тот же день там произошло убийство. А к тому времени, как разыгралась вторая трагедия — на сей раз погиб сам хозяин, — я уже была глубоко вовлечена в перипетии страшной

и опасной истории, нажила себе заклятого врага в лице нового лорда Стэплфорда и заключила сомнительный альянс с его младшим братом, Бертрамом, без сомнений, лучшим представителем семейства¹. Разумеется, в поместье никто не знал о моем происхождении, однако подозреваю, что меня сочли весьма странной для простой служанки. Так или иначе, я кое-как пережила печальные последствия двух убийств, а восемь месяцев спустя дела снова приняли скверный оборот.

Экономка Стэплфордов, миссис Уилсон, стала жертвой несчастного случая, о котором мне до сих пор тяжело вспоминать. Скажу лишь, что его причинами были субстанция, производимая лошадьё с той стороны, откуда к ней не стоит подходить, очень мокрые ступеньки и несвоевременное решение миссис Уилсон спуститься по парадной лестнице. В результате я получила неожиданное повышение — была назначена исполняющей обязанности экономки на время охоты, устроенной господами на Шотландском высокогорье². Неловко говорить, но там опять произошло убийство, и это обстоятельство заставило меня почти что мечтать о возвращении в поместье. В тот раз ме-

¹ Более подробно я изложила эту историю в своих записках под названием «Смерть в семье».

² Эта история поведена в моих дневниковых записках под названием «Смерть на охоте».

ня уже никто не подозревал в причастности к преступлению, но обстановка на мировой политической арене сказалась и на жизни нашего тихого уголка Англии — вернее, Шотландии, — из-за чего был арестован новый дворецкий Стэплфорд, прекрасный Рори Маклеод. Он сын шотландского бакалейщика, человек бесправный, но чрезвычайно разумный. И еще Рори — главная причина того, что я согласилась принять пост экономки в «Белых садах», когда мистер Бертрам заявил о намерении обзавестись собственным домом.

Мне с самого начала не следовало рассчитывать на то, что дальше все пойдет гладко. Мистер Бертрам легко загорается новыми идеями и, будучи человеком импульсивным, мгновенно переходит к действию. В свете недавних открытий могу заключить, что «Белые сады» он тоже приобрел под влиянием порыва.

Должна признать, я отчасти спровоцировала его на этот шаг, заявив, что безнравственно оставаться в доме старшего брата только ради сомнительной надежды унаследовать Стэплфорд-Холл по условиям завещания их эксцентричного родителя. Кроме того, я бросила мистеру Бертраму вызов, упрекнув его, что он живет на кровавые деньги Стэплфордов — банкиров, вовлеченных в торговлю оружием, — тогда как у него самого есть приличный во всех отношениях капитал, доставшийся от покойного крестного отца. Однако в тот момент, когда мистер Бертрам умчался

вдаль, разгневанный моими дерзкими словами — а он, безусловно, счел бы их дерзкими, даже зная о моем истинном происхождении, — я и не подозревала, что эти слова подвигнут его на покупку первого же попавшегося дома, после чего он вернется и предложит мне должность экономки.

В глубине души я понимала, что соглашаться нельзя. Мы с мистером Бертрамом неравнодушны друг к другу — признаться в этом я могу лишь здесь, на страницах своих записок. И хотя мы никогда ни словом, ни делом не позволяли себе нарушать нормы морали, меня часто посещала мысль, что, не будь я служанкой, мистер Бертрам смог бы выразить свои чувства ко мне открыто и с соблюдением всех приличий. Но разумеется, если бы я познакомилась с ним, не будучи горничной и под своим настоящим именем, оказалось бы, что он куда ниже меня по общественному положению. Ирония ситуации вполне очевидна, только вот ничего смешного я в этом не нахожу.

И помимо прочего, был Рори. Рори имел все основания считать, что мы с ним равны по статусу, к тому же я спасла его от несправедливого обвинения в убийстве, а он со своим острым умом помог мне решить сложнейшую головоломку, когда мистер Бертрам самоустранился от расследования. Потом Стэплфорды, побеседовав со мной и с Рори по отдельности, недвусмысленно довели до нашего сведения, что если мы с ним решим пожениться, то оба, так уж и быть, можем остаться

в штате как супружеская пара, однако они не потерпят в своем доме ни интрижек, ни близкой дружбы между слугами.

Честно говоря, я думаю, мы с Рори были поражены не только этим внезапным припадком нравственности у Стэплфордов, но и предположением о том, что нам может взбрести в голову заключить брак после пары недель знакомства. В итоге мы предпочли все же остаться в штате, но теперь соблюдали в отношениях дистанцию — держались друг с другом холодно и отстраненно. Я от этого чувствовала себя крайне неуютно. Мистер Бертрам уехал, и Рори оказался единственным человеком, который был способен дать мне пищу для ума и роскошь беседы. Нас влекло друг к другу, я понимала, что дальше так продолжаться не может, поэтому, когда в поместье вернулся мистер Бертрам, последовала за ним в «Белые сады» в качестве экономки.

Все вышеизложенное ведет к простой развязке: я угодила из огня да в полымя.

«Белые сады» — современный поместный особняк, очень красивый, с изящным и строгим фасадом. Он стоит на болотах. Таких волшебных рассветов и закатов, как здесь, я не видела никогда в жизни. Вокруг дома растут яблони, и когда весной 1911 года на них распустились белые цветы, от этого великолепия захватывало дух. Однако всего через несколько месяцев после нашего заселения начались потопаы. Прошел неожиданный ливень, подвела какая-

то сточная канава — и наш погреб наполнился водой. Я, впрочем, всегда готова принять вызов судьбы, и то, первое, ненастье мы с небольшим штатом прислуги пережили стойко: немедленно вынесли из погреба вещи, высушили всё, что можно было спасти, и выбросили то, что не подлежало восстановлению. Я была довольна собой, поскольку сумела быстро справиться с обстоятельствами и не сдалась перед разгулявшейся стихией.

Но когда через две недели все повторилось, а затем потоп случился в третий раз, стало ясно, что неожиданный ливень и затор в отдельно взятой сточной канаве тут не главная беда. Тогда я осведомилась у мистера Бертрама, поговорил ли он с местными жителями, перед тем как купить этот дом.

— Я не вполне понимаю, к чему ты клонишь, Эфимия, — отозвался мистер Бертрам, пока я подавала ему завтрак — яйца с поджаренным хлебом.

— Я клоню к тому, сэр, что дом подвержен затоплениям.

— Тут повсюду болота, — пожал он плечами.

— Полагаю, инженерам пришлось немало потрудиться в свое время, разрабатывая дренажную систему, чтобы здесь можно было начать строительство. Они поистине сотворили невозможное.

— У всех, кто обживается на новом месте, поначалу возникают некоторые неудобства. — Мистер Бертрам развернул перед носом газету, давая тем самым понять, что разговор окончен.

— Сдается мне, это не просто неудобство, сэр. Боюсь, при строительстве дома была допущена ошибка, которую необходимо исправить.

— Пустяки, Эфимия, это же совершенно новый дом, шедевр прогрессивной мысли. Тут один только водопровод — настоящее чудо.

— Водопровод действительно впечатляет, сэр, — согласилась я. — Но меня пугает не та вода, которая течет по трубам. Мне кажется, погреб снова затоплен.

Мистер Бертрам побледнел:

— Мое вино! Я же велел перенести туда новую партию!

— Я взяла на себя смелость не выполнить это указание, поскольку была уверена, что по зрелом размышлении вы и сами признаете свое решение неблагоприятным.

Теперь мы придерживались более официальной манеры общения, чем та, к которой успели привыкнуть в Стэплфорд-Холле и в охотничьем домике на Шотландском высокогорье. Здесь, в глуши — надо признать, в романтически прекрасной глуши, — в особняке с малочисленным штатом прислуги, нам приходилось сталкиваться друг с другом куда чаще, чем мы оба ожидали.

— Боюсь, придется покинуть это место на время ремонта, — осторожно продолжила я. — Запах сырости и плесени из погреба уже добрался до кухни, а с наступлением лета он распространится по всему дому. Обстановка станет антисанитарной.

Мистер Бертрам отодвинул тарелку.

— И что ты предлагаешь, Эфимия? — спросил он почти что в нашей прежней манере.

— Вернуться в Стэплфорд-Холл, пока здесь будут делать ремонт. Продать дом в его нынешнем состоянии вам все равно не удастся, даже если вы захотите это сделать.

— Черт возьми, Эфимия, не хочу я его продавать!

— Тогда тем более вам нужно сделать ремонт, сэр.

Мистер Бертрам резко отодвинулся от стола, содрав ножками стула тончайший слой паркетного воска, который любовно нанесла Дженни, полировавшая полы.

— Я не верю, что все так плохо. — Мистер Бертрам встал и сердито воззрился на меня. — Думаю, ты просто-напросто жалеешь о переезде и хочешь вернуться к работе в Стэплфорд-Холле.

— Если вы так думаете, сэр, то вы, должно быть, считаете меня умалишенной, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие. — По-вашему, женщина, пребывающая в здравом рассудке, согласится променять должность экономки на положение простой служанки?

— Вероятно, у тебя имеется веская причина. В Стэплфорд-Холле есть то, чего нет «Белых садах».

— Вы имеете в виду сухой погреб?

— Довольно! А ну веди меня в этот свой погреб — если там воды больше, чем на дюйм, я вернусь в дом брата сегодня же вечером!

— Конечно, сэ. — Я повернулась к двери. — Не желаете сначала сменить обувь на что-нибудь подходящее для погружения?

Мистер Бертрам выдохнул так шумно, что это было похоже на рычание. Он определенно мне не верил. Мы спустились в погреб — я уступила дорогу владельцу этого великолепия. «Ароматная» ледяная вода, хлынувшая в туфли мистера Бертрама, сшитые на заказ, мгновенно заставила его изменить мнение.

— Почему ты сразу не сказала, что все настолько скверно, Эфимия?! — возопил он. — Это же безобразие!

Я хотела ответить, что совершенно согласна — форменное безобразие. Он не верил мне насчет битых яиц и некачественного сыра с фермы «Хэдвел», насчет того, какое количество слуг нам необходимо, и насчет тысячи разных мелочей. Новое положение владельца поместья вскружило мистеру Бертраму голову, и теперь всякий раз, когда я пыталась привлечь его внимание к какой-нибудь хозяйственной неурядице, он воспринимал это как личное оскорбление. По каким-то причинам ему необходимо было постоянно доказывать свою власть и способность контролировать все вокруг. В результате этот джентльмен, всю жизнь проживший в родительском доме, часто сам выставлял себя на посмешище — и набрасывался на меня с упреками.

— Я дам распоряжение паковать вещи? — уточнила я.

В отличие от хозяина, мне удалось приобрести существенные навыки в управлении домашним хозяйством, с тех пор как мы с ним впервые встретились. И по-моему, это злило мистера Бертрама еще больше.

— Мы не можем взять в Стэплфорд-Холл всех слуг!

— Разумеется, нет, — кивнула я. — Мне кажется, местных можно отпустить по домам, хотя вернуть их потом на службу будет затруднительно, если не предложить на время вынужденного отдыха своего рода денежное содержание.

— Это будет мелочь по сравнению с тем, во что мне обойдется ремонт, — тяжело вздохнул мистер Бертрам.

— Я могу вернуться к своей семье, — продолжила я, — но Меррит сюда приехал из Лондона...

— Ричард не станет возражать против еще одного лакея, если я сам буду платить ему жалованье.

— Сэму, чистильщику обуви, и Дженни тоже некуда идти.

— Дженни?

— Это ваша служанка и посудомойка.

— О, я думаю, миссис Дейтон лишняя пара рук не помешает. — Мистер Бертрам вдруг нахмурился: — Мы не сможем взять с собой нашу повариху!

— Ни в коем случае, сэра. Но она будет рада остаться и побыть с новорожденным внуком.